

Алена Яворская

ЗАПАХ АКАЦИИ

«Одесса уже не та». «Той Одессы больше нет». «Одесса умирает».

Так говорят последние годы. Последние десятилетия. Последнее столетие. А если разобраться — с чего все началось? Какой была «та Одесса», как она стала «не той»? И что об этом говорят писатели?

Мне могут сказать, что рассуждения мои необъективны, цитаты случайны, процитированы не те авторы. Заранее соглашусь. Но, если вдуматься, ведь это же словно калейдоскоп — каждый раз ты видишь новую картину. И при этом — стеклышки те же, да и все цвета сразу невозможно заметить.

Одесса и миф об этом удивительном городе известен всему миру чуть ли не с первых дней основания Одессы. Миф этот на протяжении двухсот лет изменялся. В первые сто лет говорили преимущественно о европейском городе, возникшем, словно в сказке, в голой степи, о вольном, веселом городе, где легко можно изменить свою судьбу. В XX веке говорили больше о характере жителей города и своеобразном его языке, о романтических одесских бандитах.

В начале 20-х годов XX века громко заявила о себе литературная одесская (юго-западная) школа — И. Бабель, Э. Багрицкий, В. Инбер, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев, С. Кирсанов, Ю. Олеша, — окончательно сформировав в представлении читателя образ вольного города с присущим лишь ему языком и характером.

Можно сказать, что как для средневекового жителя Земля стояла на трех китах, так для современного читателя одесский миф зиждется на трех литературных произведениях: «Одесской главе» «Евгения Онегина» Александра Пушкина, «Одесских рассказах» Исаака Бабеля и «Времени больших ожиданий» Константина Паустовского.

В начале XIX века А. Пушкин выдал Одессе «грамоту на бессмертие», в двадцатые годы XX века И. Бабель создал легенду о короле одесских налетчиков Бене Крике, в конце 50-х годов того же XX века К. Паустовский своей повестью возродил интерес к необычному, своеобразному, отличающемуся от остальных веселому городу.

Но, как уже было сказано, на протяжении двух столетий изменялось описание характерных черт Одессы.

Вначале о городе, в котором возможно изменить свою жизнь, стать свободным человеком, пели украинские кобзари:

*А в Одесі добре жити.
Мішком хліба не носити,
на панщину не ходити.
Подушного не платити.
Ні за плугом, ні за ралом.
Називають мене паном.*

Затем к прославлению города — торгового рая — подключаются купцы. В 1812 году увидела свет книга негодичанта Шарля Сикара «Письма об Одессе»: «Из бедной деревушки Гаджибей <...> город сей <...>, построенный на берегу такого моря, которое почиталось опаснейшим, сделался в столь короткое время самым цветущим торговым городом в Европе».

Русские путешественники, как правило, из аристократических семейств, описывая бытовые неудобства, предвидят расцвет города. В 1810 году в Одессе побывал князь Иван Долгорукий: «Одесса сама собою указывает выгоды свои настоящие и будущие. Довольно пробыть в ней день или два, чтобы удостовериться в пользе, которая от нее происходит удобна».

Славная Одесса, преславная Одесса — такая характеристика сопровождается в то время упоминание города. В стихах Т. Шевченко, никогда не бывавшего в Одессе, упоминание города также сопровождается эпитетом «преславная», хоть речь идет о страшном бедствии:

*Из Одеси преславної
Завезли чуму.*

Введение порто-франко в 1817 году приводит к расцвету города, ставшего одним из главных торговых портов Российской империи и единственным значимым торговым портом на юге.

В 1839 году Владимир Бенедиктов сочетает возвышенное описание Одессы с упоминанием торговли:

*Перл земли новороссийской,
Он цветет, блестящий град,
Полон славы мусикийской
И возвышенных отрад,
На морском высоком бреге
Он вознесся в южной неге
Над окрестною страной
И пред дольными красами
Щеголяет небесами,
Морем, солнцем и луной.
<...>
А Одесса что царица:
У подножия пшеница,
Из червонцев слит венец.*

Болеслав Маркевич вспоминал о своей жизни в Одессе в 40-е годы XIX века: «Единственный уголок в России, где дышится свободно», — говорили не дорожившие службою господ и баре, <...>переселяясь из столиц или поселяясь временно в этом действительно жившем непохожею на тогдашнюю жизнь русских городов жизнью, окраинном местечке России».

Английский путешественник Л. Олифант в 1852 году отмечает склонность одесситов восторженно хвастать своим городом (черта, сохранившаяся и в следующих веках) и космополитический характер города: «Влюбленные в свой город одесситы на борту парохода два дня и две ночи внушали мне, что ничто из виденного в Москве или Санкт-Петербурге не могло дать мне ни малейшего представления об очаровании Одессы. По их словам, она объединяла в себе прелести всех столиц Европы. Статуи и опера были итальянскими; бульвары и магазины французскими; клубы — английскими; а отели не имели равных в Европе. И все это вместе должно было превзойти мои самые смелые ожидания. <...>

Следует признать, что Одесса очень космополитичный город. Почти у каждой страны в Европе здесь есть свой представитель, и главные улицы заполнены всевозможными костюмами. Дух деятельности и предприимчивости, царящий в Одессе, в общем-то, чужд русским городам в целом. Причина этого, несомненно, в быстром росте города и его смешанном населении. Жители Одессы имеют гораздо больше

свобод, чем жители любого другого города в империи. Меня поразила необычная свобода в курении и разговоре среди тех, с кем я общался».

Отмена порто-франко в 1859 году приводит к некоторому упадку, который к концу века вновь сменяется экономическим расцветом. Но уже начинают звучать грустные фразы о минувшей славе Одессы.

В конце XIX века публикует очерки из серии «Старая Одесса» Александр Дерibas. И, по его мнению, очарование Одессы, лучшие ее годы уже в прошлом. Даже знаменитая одесская пыль — и то раньше была лучше: «Настоящий старый одессит не может не тосковать по прежней одесской пыли. <...> Прежняя одесская пыль была не такую, как ныне; она была благоуханною — как пыль цветов».

В 1894 году Одессе исполнилось сто лет. В этом же году родился и главный творец мифа об Одессе XX века Исаак Бабель. А составляющие одесского мифа конца XIX века впервые собирает воедино Влас Дорошевич, выпустивший в 1895-м книгу «Одесса, одесситы и одесситки». Он одним из первых пишет о сформировавшемся к тому времени одесском языке: «И мы удивляемся, как ни один предприимчивый издатель не выпустил до сих пор в свет “самоучителя одесского языка”, на пользу приезжим. Без знания одесского языка тут вас ждет масса водевильных недоразумений и чисто опереточных *qui pro quo*».

К концу XIX века появляется представление об Одессе, как о городе, в котором легко можно разбогатеть, особенно маленькому человеку, особенно еврею из местечка. Ярче всего это описано в рассказах Шолом-Алейхема: «Я просто не в состоянии описать тебе город Одессу, его величие и красоту, его жителей с их чудесными характерами, а также блестящие дела, которые здесь можно делать».

О том же писал и учитель Шолом Алейхема, основоположник литературы на идиш, Менделе Мойхер Сфорим: «Одесса — что табакерка с потайным замком: надо знать, какую пружинку нажать, — тогда она легко раскрывается, — засовывай пальцы и доставай добрую понюшку табаку». Семен Юшкевич описал в своих рассказах новый тип одесситов — маклеров и спекулянтов, так называемых «людей воздуха».

Образ Одессы 10-х годов XX века в представлении человека среднего класса иной. Петр Пильский в очерке «Лики городов» дает картину беззаботного города: «Я поражен, пленен, заморожен ею, этой легкомысленной, хохочущей, жизнерадостной, страстной, веселой южанкой. Ни один город не имеет столько верных патриотов.

Одессит — тип.

Это — русский марселец. Легкомысленный хвостун, лентяй, весь внешний, великолепный лгун, задорный шутник. <...> Приезжайте в Одессу, приезжайте в Одессу! <...>

Шопенгауер был пессимистом и женоненавистником, но только потому, что он никогда не был в Одессе. <...>

Громадный город великого, неистощимого, сказочного безумия, дышащий духами и преступлением, ни на кого не похожий, прекрасный, бурный, спешащий. <...> Вот место, где так хорошо и сладко сойти с ума, — и это море, и эта зелень, одно — гордое, другая — скромная, эти запахи морской гнили, тубероз, юга, женщин и духов, и этот нервный бег!»

Но почти в то же время Леонид Андреев, высмеивая упоминавшуюся привычку одесситов неумеренно гордиться своим городом, пишет: «Одесса, к которой перехожу, — город хвостун и фат дурного тона».

Исаак Бабель, бесспорно, творец мифа о бандитской Одессе. Но в одном из первых своих опубликованных очерков «Одесса» (1915) он дает поэтическое описание городского населения: «Летом в его купальнях блестят на солнце мускулистые бронзовые фигуры юношей, занимающихся спортом, мощные тела рыбаков, не занимающихся спортом, жирные, толстопузые и добродушные телеса “негоциантов”, прыщавые и тощие фантазеры, изобретатели и маклера. А поодаль от широкого моря дымят фабрики и делает свое обычное дело Карл Маркс.<...>

В Одессе есть порт, а в порту — пароходы, пришедшие из Ньюкастля, Кардифа, Марселя и Порт-Саида; негры, англичане, французы и американцы. Одесса знала времена расцвета, знает времена увядания — поэтичного, чуть-чуть беззаботного и очень беспомощного увядания».

Противореча себе, в «Листках об Одессе» в том же году он скажет: «Одесса стоит крепко, и ее изумительная способность ассимиляции не потеряна».

Но уже прозвучала фраза об увядании. Позднее, в повести «Пятеро», и Жаботинский будет вспоминать о конце XIX века как о времени, «когда Одесса была царицей».

Первый удар по одесскому мифу нанесла экономика — отмена порто-франко. Второй — революция 1917 года, вернее, приход большевиков в 1920-м. Новой власти европейский город, живущий торговлей, и его легкомысленные жители были не нужны.

В литературе первым об этом заявил Владимир Нарбут в 1921 году, в стихотворении «Годовщина взятия Одессы»:

*О, город Ришелье и Де-Рибаса
 забудь себя!
 Умри и — встань другим!
 Твой скарб сметен и продан за бесценнок.
 <...>
 Разодрана завеса,
 и капище не храм, а прах и тлен.
 Не Ришелье, а Марксова Одесса
 приподнялась с натруженных колен.*

В письме к Исааку Лившицу в 1924-м Бабель написал: «Одесса мертвее, чем мертвый Ленин».

Эмигранты ностальгически вспоминали былую прелесть и блеск Одессы. В 1923 году Саша Черный написал стихотворение «В Одессе»:

*Вдоль деревянной длинной дамбы
 Хвосты товарных поездов.
 Тюки в брезенте, словно ямбы,
 Пленяют четкостью рядов.
 Дымят гиганты-пароходы,
 Снуют матросы и купцы.
 Арбузной коркой пахнут воды —
 И зыбь, и блеск во все концы.
 <...>
 Горит над жирным турком феска,
 Студент гарцует средь девиц...
 Внизу среди морского блеска
 Чернь пароходных верениц...
 Казаки, статные, как кони,
 Кружком расселись в павильоне...
 Урядник грузен, как бугай.
 Запели... Эх, не вспоминай!*

Впрочем, в 1928 году Надежда Тэффи пишет об Одессе времен гражданской войны ««Не город, а сплошной анекдот!» <...> Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично».

Владимир Жаботинский, завершивший в 1935–36 гг. повесть «Пятеро» вдохновенным описанием, можно сказать, гимном Одессе, свой очерк 1931 года «Моя столица» заканчивает трагическими словами об уничтожении города:

«Одессу, как вавилонскую башню, с первого камня строили все племена — то есть, как уже доложено выше, все (по-моему) истинно великие племена истории; все ее строили, и каждое вложило в нее кусок своей гордости.

Оттого и получилась в итоге та степень муниципальной гордости, коей только слабым, далеко не крайним образцом является настоящий очерк.

Только то грустно, что всего этого уже нет, и Одесса давно уж не такая. Давно, еще задолго до нынешнего моря и глада и труса, стало меркнуть и сереть то великолепие многоцветности — высокая прерогатива радуги, бриллианта, империй. Александрия севера постепенно превращалась в южную Калугу; а теперь, говорят, совсем и нет больше на том месте никакого города — трактором, от Куликова поля до Ланжерона, проволокли борону, а комья потом посыпали солью. Жаль...»

Тем же 1931 годом датировано стихотворение одессита Семена Липкина «Городу на море»:

*Где же страшные вывески меховщиков?
Клейкий запах столярной? Цирюльни альков?
Часовых мастерских паутина?
Где ж турецких пекарен цукатный дурман?*

*Золотые сандалии тучных армян?
Как мне скучно вдали карантина!
Ты, красавица, нынче как будто не та:
Неприметна родня моя вся — нищета,*

Запах моря на старом погосте!

В рассказе И. Бабеля «Улица Данте» (1933) есть несколько строк, не вошедших в первую публикацию: «...я уехал в Марсель. Там увидел я родину свою — Одессу, какою она стала бы через двадцать лет, если бы ей не преградили прежние пути, увидел неосуществившееся буду-

щее наших улиц, набережных и кораблей». Причина упадка Бабелю очевидна, и золотой век Одессы уже в прошлом.

Вторит своему другу и учителю Семен Гехт в повести «Пароход идет в Яффу и обратно» (1936). Мне кажется, что по настроению этот текст схож с последней главой романа «Пятеро» Владимира Жаботинского (который Гехт без сомнения к тому моменту не читал).

«Кто же поселился в доме Ашкенази на Воронцовской улице и на ее божественной даче в конце Французского бульвара, над красноватым обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами? Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Кондиаса? Кто торгует в магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского? Кто работает и управляет на заводах Гена, Попова и в доках Ропита, и на складах Юротата?купаются ли еще в Горячей Луже на Пересыпи, у мельницы Вайнштейна? Что стало с богатыми болгарскими огородами на полях орошения? Что делается на Куликовом Поле, на Толчке, на Косарке, на Бугаевке, на Ярмарочной площади? Кто вдыхает запахи сирени, акаций и маслин на дачах Вальтуха, Цудека, Маразли и Натансона? Кто сидит в Городской думе? Кто поет в Городском театре? Кто бродит по Хаджибеевским горам и кто гуляет по саду Трезвости? На Еврейской были меховые лавки, а на Малой Арнаутской — немецкие трактиры и постоялые дворы. Кто там сейчас? На Старорезничной играла в театре Болгаровой Эстер Каминская, на Прохоровской гудела мельница Инбера, в Городском саду управлял оркестром Прибик. Что там сейчас?»

«Ато — амаге» эмигранта Дона Аминадо — то же противопоставление оживленной жизни города в прошлом и грустного настоящего.

*Кипит, не смолкая, работа в порту.
Скрипят корабельные цепи.
Безумные ласточки, взяв высоту,
Летят в молдавские степи.
Играет шарманка. Цыганка поет,
Очей расточая сиянье.
А город лиловой сиренью цветет,
Как в первые дни мирозданья.
<...>
Приходит волна, и уходит волна.
А сердце все медленней бьется.*

*И чует, и знает, что эта весна
Уже никогда не вернется.
Что ветер, который пришел из пустынь,
Сердца приучая к смиренью,
Не только развеял сирень и латынь,
Но молодость вместе с сиренью.*

1930-е

Вопреки этому Константин Паустовский в повести «Черное море», написанной в 1935 году, закладывает основы того представления об Одессе, которое будет создавать во всех своих книгах, посвященных городу:

«Одесса — это Левант. Это Черное море, теплые ветры с Босфора, бывшие греческие контрабандисты и негоцианты из Пирея. Итальянцы-гарибальдийцы, капитаны и портовые грузчики — банабаки. Богатства всех стран, влияние Франции, гетто на Молдаванке, бандиты, ценившие превыше всего остроумие, седоусые рабочие с Пересыпи, итальянская опера, воспоминания о Пушкине, акации, желтый камень, цветы, любовь к анекдоту и страшное любопытство к каждой мелочи. Все это — Одесса».

Новый виток одесского мифа связан именно с Паустовским, с повестью «Время больших ожиданий», увидевшей свет в 1959 году. Публикация повести всколыхнула интерес к городу и писателям юго-западной школы, в частности, к И. Бабелю и Э. Багрицкому.

Паустовский упоминал «одесское торжище» на Новом базаре в начале 20-х. Со временем перепродажа (или спекуляция) дефицитным товаром перенеслась на Толчок — рынок, неоднократно менявший место своего расположения и ставший одной из легенд Одессы: аналога Толчку в 1960–1970-е гг. не было в Советском Союзе.

Первая часть неоконченного романа Александра Галича «Блошинный рынок» (1976–1977) называлась «Прощай, Одесса!». Галич писал: «Одесса, как известно, самый необыкновенный город на всем белом свете. Я знаю это твердо и не советую никому спорить со мною по этому поводу».

Он же одним из первых описал одесский Толчок, придав ему мистические черты: «...О, знаменитая Одесская барахолка, великий блошинный рынок, один из немногих, чудом уцелевших и при этом даже официально узаконенных, сказочных островков частной ини-

циативы и предпринимательства! Под открытым небом, на огромном пространстве, огороженном со всех четырех сторон высоким забором, кипит, пылит, кричит, хохочет и сокрушается несметное, неисчислимое человеческое множество, оно выплескивается на прилегающие улочки и переулки, перемахивает через ограду находящегося в непосредственном соседстве с блошиным рынком еврейского кладбища...

О, барахолка!

Уже не однажды какой-нибудь вновь назначенный ретивый начальник из Горкома партии или Горисполкома пытался поставить вопрос о ее закрытии. И тогда происходило чудо — сначала где-то в отдалении начинал погромыхивать гром и посверкивать молния, ощущались таинственные подземные толчки, колебание почвы, земля расступалась и именно на том самом месте, где стоит Одесса, образовывалась глубокая трещина, в эту трещину бесследно и навсегда проваливался злополучный ретивый начальник, земля смыкалась вновь, а барахолка, хотя и переезжала на какое-нибудь новое место, как ни в чем не бывало продолжала жить своей неопишуемой, безобразной и ликующей жизнью...»

И Галичу же принадлежит изумительно точное описание Одессы конца 60-х, точнее, одесского лета. Но и здесь он упоминает о прекрасном прошлом:

«Отгремело, кончилось летнее сумасшествие, когда в Одессу — к солнцу, к веселому морю, к дешевым овощам и фруктам — съезжаются несметными ордами москвичи и ленинградцы, жители Сибири, Урала и Средней Азии; когда позавтракать в кафе можно только, простояв три часа в распаленной очереди; когда мечтать о номере в гостинице смеют лишь самые удачливые и ловкие, а прочие люди средних способностей селятся где попало — снимают углы, балконы, чуланы.

А коренные жители, ошалев от того золотого дождя, ухитряются пустить в дело, приспособить для ночлега и жилья крылечки, лодки и даже гамаки во дворе или в саду. Это безумие, этот громopodobный прилив, пробиваясь в конце апреля, достигает своего зенита в июле и в августе. Но уже в первых числах сентября начинается стремительный отлив — уезжают родители с детьми школьного возраста, уезжают студенты и преподаватели — уезжают на машинах, улетают в самолетах, берут с боем отходящие поезда.

И Одесса пустеет, опоминается, приходит в себя, подсчитывая доходы, — до следующего лета, до нового золотого дождя.

Впрочем, старые одесситы утверждают, что в те кошмарные времена, когда помещики и капиталисты только и знали, что грабили народ и выколачивали из него прибавочную стоимость, именно октябрь месяц считался в Одессе лучшим временем года и назывался “бархатным сезоном”.

Именно в октябре месяце, с раннего утра и до позднего вечера, в ротонде на Приморском бульваре, духовой оркестр городской пожарной дружины, под управлением маэстро Каца, наяривал марши, вальсы и польки; и нарядные дамы, покачивая ажурными зонтиками, прогуливались по дорожкам бульвара, в сопровождении усатых кавалеров в котелках и штиблетах; именно в октябре отчаянный рыжий авиатор Уточкин, при несметном скоплении зрителей, совершал над Одесским ипподромом свои показательные полеты; по вечерам кавалькады карет тянулись в Аркадию, на пляжи, где дамы и господа купались при лунном свете, а потом спешили назад, в город — в игральные дома, в гостиницы, в рестораны».

Забавно, но примерно о тех же годах Бабель писал как о «временах увядания».

В 1976 году эмигрировал из Одессы Аркадий Львов. В многотомном романе «Двор» (1968–1972, 2005) он описывает еще одну составляющую одесского мифа XX века — многонациональный одесский двор, составляющий особый мир.

Надо сказать, что ирония и самоирония — одна из главных особенностей жителей Одессы. У Юрия Михайлика среди многих стихов о родном городе, есть шутивное стихотворение «У городов, бесспорно, есть отличья...» Написано оно в конце 60-х — начале 70-х.

*Есть в городе моем среди диковин
одна, которой я обеспокоен:
в Одессе конных памятников нет.
<...>*

*А без коней в Одессе очень странно.
И так уж есть Фонтан, где нет фонтана,
есть Мельницы, где мельниц ни следа,
и Молдаванка есть без молдаванов,
Черемушки, где в липах и каштанах
черемухой не пахло никогда.*

Неожиданное преломление одесский миф получает в творчестве писателя, никогда в Одессе не бывавшего — английского фантаста Майкла Муркока. В 1980-м он пишет повесть об альтернативной истории России «Стальной царь». Герой его во время гражданской войны попадает на несколько дней в Одессу. «Одесса — великолепный многонациональный морской порт, родина многих выдающихся поэтов, писателей, художников, прочих титанов духа. <...> в порту стояло больше торговых, нежели военных судов. Улицы кишели людьми всех наций и цветов кожи. Пахло пряностями и закусками пяти континентов, <...> здесь царила жизнерадостная беззаботная атмосфера, которая дала мне пример лучших сторон славянской души.

<...> Она полна музыки, остроумных торговых перепапок, романтики. Мне невольно захотелось остаться в этом городе навсегда. Я не знаю ни одного другого города, способного сравниться с Одессой. <...> в Одессе повсеместно царит всепобеждающий дух свободы, который, как я думаю, делает всех ее жителей верноподданными единственной и неповторимой в мире державы — Одессы-мамы».

Но в реальной жизни все заметнее исчезновение того, что делало Одессу не похожей ни на один из других городов мира. Даниил Гранин сравнивал два приезда в Одессу — в 1956 и 1982 годах. «Крикливый Привоз, неслыханной красоты и мощи базары, одесский говор, одесский юмор, кому это, как говорится, мешало? В то лето 1956 года Паустовский еще мог показать свою Одессу, еще на рынке тощий инвалид в тельняшке мог заставить купить велосипедный звонок, на который все будут заглядываться! Через двадцать лет, когда я захотел показать эту Одессу своим друзьям, я ее не нашел. Ее уже не было. С непонятной старательностью ее выскоблили, всю одесскость, одессизм, ее говор, ее шуточки, ее обычаи...

Ревнителю однообразия, они терпеть не могли одесскую литературу, давшую Ильфа, Петрова, Багрицкого, Бабеля, Катаева. Причислили к ним и Паустовского. Южнорусская школа в устах этих критиков стала чем-то подозрительным, чужеземным. <...> Набережная и лестница смотрелись отсюда так же красиво, все стало чище, портовые краны выглядели внушительнее, цветов стало больше. Дома были свежеекрашены, играли фонтаны, в киосках открыто продавали жевательную резинку. Но прежней Одессы не стало. Имелся красивый морской город, областной центр, почему-то знаменитый, а почему — неизвестно. Люди говорили с чуть заметным южным акцентом, но примерно так

же, как в Николаеве и Херсоне, и надписи всюду были правильные, никаких вольностей, и шутили так же, как всюду. Наконец-то добились, чтобы этот город стал как все другие города».

С каждым годом, с каждым разрушенным зданием, с каждым уехавшим из города в поисках лучшей жизни реальная Одесса утрачивает свою особость, и приехавшие сюда в надежде найти следы одесского мифа вынуждены довольствоваться литературным.

Но сквозь всю горечь утрат, бессилие и беспомощность, прорываются наши воспоминания о прошлом Одессы, которое кажется сейчас если и не прекрасным, то счастливым.

